

Фокус

-Федечка, я скинула тебе примеры как стричь. Смотри, вот здесь – подлиннее, а снизу - подбрить.

Мама любовно пригладила моё «утреннее непойми что» на голове. Я посмотрел на фото стрижки: кошмар. Вылитый Иванушка-дурачок.

-Стрижка в четыре. Не опоздай, пожалуйста! – Она кладет на стол пятьсот рублей.

Я вообще-то против стрижки. Мне и так нормально, я отращаиваю. Но с мамой спорить бесполезно: мои волосы – её всё: забота, любовь и мечта. Она сама моет и укладывает мне голову два раза в неделю. Постоянно рассказывает о том, как в детстве мечтала о таких же густых и вьющихся. У нее и раньше-то была не самая густая шевелюра - так, легкий жидкий хвостик. А теперь, после операции, она вообще носит бандану, не снимая. Мне очень жалко маму, до слез жалко эту её пестренькую бандану и крошечный хохолок, который остался от всех ее волос. Она прячет, заматывает голову сразу, как встает с постели, но я все равно увидел.

Я киваю, беру деньги и обещаю не опоздать на стрижку.

Сегодня пятница, а значит, после уроков у нас еженедельная туса-шаурмуса. На большой перемене мы сели сводить баланс. Свист виновато развёл руками: все карманные ушли на новую мышку с подсветкой. У Егорова на карте тридцать пять рублей. Витька быстро подсуетился и занял у Ольги Михайловны: «на проезд давали, а я потерял. Мама вам переведет на карту!» У меня ноль. Как-то рассосались деньги за неделю... В итоге – восемьдесят пять рэ на всех. На четыре шаурмы, конечно, не хватит.

Мы вышли из школы, угрюмо перекидываясь егоровским мешком со сменкой. У калитки наткнулись на Свиста: потрепанная ушанка лежит на снегу, а Свист, художественно разводя руками, выводит что-то похожее на «маленькой ёлочке холодно зимой». Егоров выудил из ушанки пятидесятирублевую бумажку и гордо помахал нам. Мы уважительно зааплодировали. Витька заботливо накинул Свисту на покрасневшие уши капюшон. Тот, не прерывая своего художественного свиста, благодарно кивнул.

Мы отошли немного поодаль и сели на рюкзаки ждать. Сердобольные мамы из началки бодро подкидывали Свисту в ушанку мелочь. Витька достал зеркальный брелок и начал гонять солнечных зайчиков. Мы чихали, шурились и, в целом, были счастливы.

Внезапно свист оборвался. Мы повскакивали с мест и дёрнули к калитке, но догнать Большого так и не смогли, еще бы: у него рост – два метра. Самый длинный в школе...

Вернулся запыхавшийся Свист и виновато развел руками: Большой стащил полтинник. Мы пересчитали мелочь: тридцать два рубля. Плюс общий капитал в восемьдесят пять рублей. Заставлять Свиста работать дальше было бы просто бесчеловечно, но при таких доходах шаурмой даже и не пахло. И тут все посмотрели на меня. Я сначала не понял, а потом прожгло изнутри: «деньги на стрижку!»

Я пожал плечами: мол, могу и не стричься, но мама... сами понимаете...

Егоров успокаивающе положил мне руку на плечо:

- Меня уже двенадцать лет стригут дома. Специальной машинкой Филипс. Огонь-машина!

В доказательство он снял шапку: в целом неплохо, но с моими кудрями древняя Филипс может и не справиться. Я представил, как я приду домой нестриженный, сниму шапку, и какое лицо будет у мамы, и помотал головой: «не...». Свист вздохнул и зябко поежился, Витька громко заурчал животом, Егоров положил мне на плечо вторую руку. Все смотрели на меня. Я опустил глаза, кивнул, и мы двинули в сторону рынка.

Мы слонялись по улице полтора часа, сыто урчали и вытирали друг о друга жирные пальцы. Начало темнеть, стало зябко и неудобно. Шаурмичное тепло в животе постепенно рассасывалось, и его место постепенно занимало невнятное прохладно-тоскливое предчувствие. Егоров хлопнул меня по шапке:

-Не бойсь! Мать сделает, как надо!

Мы пришли к нему, но мать оказалась на суточной смене. Всё, «кранты и лысый ёжик», - как говорит Свист. Не подстригся – раз, жирные пятна на новом пуховике – два, деньги потратил – три, ну и по мелочи: уроки не сделаны, собака не выгуляна. Но главное, конечно, стрижка. Я вспомнил мамину маленькую голову в пестрой бандане и сердце моё бухнуло куда-то вниз, в остатки шаурмы.

-Алё, гугл! Мужская стрижка, – решил не сдаваться Егоров. - Садись!

Я послушно сел за кухонный стол, машинка зажужжала, вгрызаясь в спутанные волосы. Через три минуты Егоров отряхнул мне шею полотенцем и отошел к окну. Я потрогал голову: голая шея непривычно колосась... почти до макушки!

-Ты! Ты... что ты сделал?! – заорал я.

Егоров спрятался за штору:

-Говорю же: зверь-машина, сама стрижет! Еле остановил...

Я встал, чтобы его убить, но ноги подкосились и я рухнул обратно на стул. Что теперь будет? Я представил маму: она не будет со мной разговаривать. А еще хуже – будет плакать. Я видел один раз, как она плакала после больницы, в ванной перед зеркалом. Я больше такого не переживу.

-Федь, - осторожно позвал Егоров, - кажется, лучше достричь совсем всё...

Он боязливо протянул мне телефон, я увеличил фото: голая цыплячья шея, лысый бугорок, остатки волос кудрявятся на макушке вальжным одуванчиком. У меня в глазах потемнело. Такого уродства мама не переживет. Я кивнул, машинка зажужжала снова.

Было уже не страшно, только непривычно холодно вокруг ушей. Егоров протер какой-то тряпкой мой голый череп. Я молча оделся и вышел, не глядя на него. Шел домой как будто на автопилоте: матрасом навалилось тупое оцепенение, я перестал слышать вечерний проспект: пропали машины, автобусы, пропали сигналы и грохот, только фары, фары...

Дверь распахнулась передо мной: как будто мама уже долго ждала на пороге:

-Ну, слава Богу! Я уже позвонила Тамаре Михайловне и Вите. Почему недоступен? Столько раз просила: за-ря-жай телефон!

Я кивал, мычал что-то и раздевался медленно-медленно, надеясь, что она уйдет, и я смогу как-то пробраться к себе в комнату в шапке, и как-то отсидеться, и, может быть, что-то придумать. В конце концов она ушла на кухню. Я выдохнул, наконец снял куртку. На шее болталась пёстрая тряпка: так и ушел с ней от Егорова. Я подошел к зеркалу и снял шапку: испуганный головастик с тонюсенькой шейкой. Сзади хлопнула дверь, мелькнуло пестрое пятно и тотчас же в зеркале показалось мамино лицо. Она с ужасом смотрела на мой затылок, открывая рот, словно намереваясь что-то сказать, потом протянула руки к моей бритой голове и тут ее губы задрожали, а руки бессильно упали мне на плечи. Мама опустила голову и уткнулась носом мне в макушку. Я почувствовал, как на непривычно голую кожу упала тёплая легкая капля. Я судорожно сглотнул, задохнулся и больше всего в жизни захотел исчезнуть, пропасть, прямо сейчас сжаться до размеров этой легкой капельки, чтобы меня можно было вытереть, просто стереть вот этой дурацкой егоровской тряпкой. «Тряпкой...»

-Ма-а-ам, - шепотом позвал я.

Мама подняла покрасневшие глаза и посмотрела на меня. Я медленно стянул с плеча пёструю тряпку, сделал ею в воздухе плавное движение фокусника, потом легонько

подкинул вверх, поймал, быстрым движением завязал банданой на голове и почему-то зажмурился.

Я открыл глаза, когда услышал мамин смех. Она смотрела на моё отражение в зеркале и улыбалась, а по ее щекам текли и текли легкие тёплые капли.